

355 606

В ПОМОЩЬ АГИТАТОРУ

НС1

О. Х. Л.

НЕ НАВИДЕТЬ ВРАГА ВСЕМИ СИЛАМИ ДУШИ!

Газетно-книжное издательство Обкома ВКП(б)
Саратов

1942

В сборнике помещены: передовая «Правды» от 11 июля 1942 г. «Ненависть к врагу», передовая «Правды» от 14 августа 1942 г. «Смерть детоубийцам» и опубликованные в центральных газетах материалы о чудовищных зверствах гитлеровских бандитов и о жгучей ненависти советского народа к немецко-фашистским извергам.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Ненависть к врагу	3
Смерть детоубийцам!	8
А. Прокофьев. Бей фашистское отродье!	13
Елена Кононенко. Девочка в беседке	15
Огонь по детоубийцам!	21
С. Маршак. Мать	28
Д. Бирюков. Я видел это. Я мщу!	30
Николай Тихонов. Рынок невольников	33
Русская девушка в рабстве	35
М. Стопбуненко. Гвозди на вооружении германской армии	37
Максим Рыльский. Проклятье	40
Вадим Кожевников. Кровь, пролитая тобой	42

Ненависть к врагу

Наша родина переживает серьезные дни. Фашистские собаки с остервенением рвутся к жизненным центрам страны. Гитлеру нужен успех во что бы то ни стало. Как хвост, бросает он в огонь войны все новые и новые дивизии. Они сгорают под ударами Красной Армии, на их место азартные гитлеровские политики бросают новые груды немецкого, венгерского, румынского пушечного мяса.

Широкие донские степи расстилаются перед воспаленными от жадности и злобы глазами фашистских разбойников. Они хотят разграбить цветущие станицы, предать огню все, что создал трудом своим русский народ, уничтожить все памятники культуры, все школы, библиотеки, сравнять с землей колхозные постройки, клубы, детские дома, ясли. Они хотят уничтожить вольных сынов Дона, насиловать его дочерей, убивать детей, превратить в рабов и рабынь тех, кого оставят в живых себе на потеху.

К Дону прикованы теперь взоры всей советской родины. Дорог ей любимый тихий Дон, река русской свободы и героических

355606

преданий. Здесь в течение веков шла непримиримая борьба с врагами русского народа. Здесь от смертельного удара пало монгольское иго, и Димитрий Донской завоевал историческую свою славу. Здесь Степан Разин собирал дружины своих храбрецов. Здесь росли поколения отважных воинов, передававших из рода в род традиции беззаветной преданности родине и бесстрашия в бою.

На Дону военное мастерство в крови народа. Матери воспитывают в детях гордое чувство боевого достоинства, презрения к смерти. Здесь не бывало трусов. Здесь закаляются характеры исключительной силы.

Гитлеровские грабители-палачи снова пытаются запугать советский народ, несут ему цепи рабства. Но не страх они распространяют перед собой и позади себя, а ненависть, жгучую ненависть, ненависть такой силы, какой еще не знал и узнает теперь весь мир. Не отдаст советский народ на поругание врагу земли своей и самого себя. Смерть, люта́я смерть ожидает гитлеровских разбойников.

Мы проходим великую школу святой ненависти. Мир с восхищением говорит о стойкости, об упорстве бойцов Красной Армии. Что движет ими? Ненависть к врагу! Перед каждым стоит память о неслыханных зверствах, коими подлый враг отметил весь свой путь по нашей земле. Чудовищный, кровавый путь! Мы знаем о нем из волнующих рассказов

советских людей, кому удалось вырваться из фашистского ада, из потрясающих показаний жителей освобожденных районов.

Взятый недавно в плен на Харьковском направлении немецкий солдат Нюренберг Н. из штаба 514-го пехотного полка 294-й немецкой пехотной дивизии рассказывает: «Весь наш маршрут от Киева до Харькова — это был сплошной грабеж и разбой. Все города и деревни, через которые мы прошли: Дугач, Богодухов и многие другие, разграблены и разорены полностью... В каждой деревне по всем дорогам стояли виселицы. Я видел всяких повешенных: и мужчин, и женщин, и стариков, и мальчиков. В Старом Салтове, например, в церкви был расстрелян 14-летний мальчик, а затем на дереве повешен...».

Так всюду, где прошли немцы. Они думали дикой и подлой расправой внушить страх населению и вызвать покорность. Они внушили лишь ненависть к себе и вызвали месть. Они сами испытывают животный страх и новыми убийствами, новыми зверствами пытаются привести к смирению свободный советский народ. Не бывать этому! За смерть — две смерти, за кровь — двойная кровь! Таков ответ советских людей.

Красная Армия знает, что ожидает ее соотечественников, сородичей, если фашистские полчища прорвутся вперед. Гитлеровские изверги никого не щадят. Нет пощады и для

них самих! Ненависть к врагу — вот сила, которая, овладев массами, непреодолима.

Советский народ начинает все больше сознавать, что либо мы уничтожим немецких оккупантов, либо немцы уничтожат нас. Нет никакого иного выхода. Не на жизнь, а на смерть идет великая отечественная война. Нет места в душе советского патриота ни для какого благодушия. Преступна всякая беспечность. Для бойца в жестоких сражениях есть лишь одно верное средство сохранить свою жизнь — это уничтожить врага. И для всего советского народа есть лишь один путь к спасению жизни своей, своей свободы, чести, будущего детей — уничтожить врага. А для этого нужно всего себя, полностью и без остатка, отдать защите родины, помогать фронту, весь свой ежедневный труд пронизать ненавистью к врагу.

Наши дети понимают это. Они знают, что им угрожает смертельная опасность. Враг истребляет советских детей, чтобы задушить наш народ, лишит его возможности развиваться, отнять у него наследников, истребить самую память о свободе и славном прошлом русского народа и других народов советской страны.

Грязный фашистский вал угрожает советским землям на Дону и в других местах. Если пропустить гитлеровских мерзавцев, они залиют кровью эти земли. Они будут уничтожать де-

тей наших... Пусть же знает враг, каков советский человек, когда он защищает самое родное и дорогое, что есть в его жизни, — родину!

Немцы уже узнали, каковы партизаны на Украине, в Белоруссии, на Смоленщине, в Орловской, в Тульской областях. Пусть узнают теперь, каковы партизаны на Дону — природные воины, неукротимые борцы. Пусть смерть поджидает немца на каждой излучине рек, в каждой ложбине, за каждым кустом, в каждом селении!

Дорогие товарищи на фронте! Верит вам родная страна. Знает она, что та же кровь течет в ваших жилах, что и у героев Севастополя. Слушайте, стонет родной наш народ в районах, захваченных немцами. Кровавыми слезами обливаются замученные женщины. От вас ожидают они спасения, избавления от немецкого ига. А за вашей спиной — еще не тронутые врагом цветущие советские поля, селения с вашими матерями, сестрами, детьми. Не дадим же их на поругание врагу! Жизнь отдадим, а не пустим врага дальше в глубь нашей страны!

А во всем советском тылу пусть святая ненависть к врагу станет главным, единственным нашим чувством. В этой ненависти сочетаются и горячая любовь к родине, и тревога за семьи наши, за детей, и непреклонная воля к победе. Пусть ненависть к врагу станет

той силой, которая сносит горы на пути, творит чудеса труда за станком и на поле.

У нас есть все возможности не только остановить врага, но и разгромить его, истощить, обескровить, измотать. Враг спешит, чтобы сорвать второй фронт у него в тылу. Он рвется вперед, чтобы убежать от этой опасности. Не убежит! Стойкость советского народа срывала уже не один гитлеровский план. Стойкость сорвет и этот план. А источник стойкости — великая, глубокая ненависть к врагу!

Смерть детоубийцам!

История войн еще не знала таких бесчеловечных жестокостей и омерзительных преступлений, какие ежедневно творят гитлеровские двуногие звери на нашей земле.

Немецко-фашистские мерзавцы, проводя людоедскую программу своего гнусного «фюрера», систематически истребляют мирное население во временно захваченных ими районах. Неслыханные, невиданные муки принимают от этих извергов советские люди — старики, женщины, дети. Подлые захватчики насилуют женщин, пытаются стариков, мучают до смерти пленных, истязают невинных малышей. Они выкалывают детям глаза, отрезают уши, отрубают пальцы на детских ручонках.

Читайте, товарищи, эти строки. Это —

письмо красноармейцу Сидорову от его сестер
Зины и Веры из Смоленской области:

«Коля, трудно описать все то, что мы пережили. Секретаря сельсовета Валю Иванову и ее дочь Нину, сына Гришу ты ведь хорошо знаешь. Гитлеровские офицеры, желая получить у нее сведения о наших партизанах, решили воздействовать на нее посредством пыток ее детей. Связав Вале руки, эти дикие звери на ее глазах отрезали у Нины и Гриши правые уши, затем мальчику выкололи левый глаз, девочке отрубили все пять пальцев на правой руке. Валя не вынесла этих диких пыток и скончалась от разрыва сердца. Замученных до смерти детей фашистские палачи отвезли в лес и бросили. Их трупы мы похоронили в одной могиле с Валею. Зверски поступили палачи и с девочкой учительницы Марии Николаевны. Зная, что ее муж находится в партизанском отряде, дикари стали мучить ее дочь Веру. Шестилетней девочке они накаленными иглами искололи ладони, руки, уши. Затем, не добившись ничего от Марии Николаевны, они Веру отравили. Нечеловеческим пыткам подверглась и сама Мария Николаевна. Немецкие разбойники вливали ей в рот бензин, вывернули руки, искололи все тело. Умирая от пыток, Мария Николаевна ни

единого слова не сказала о партизанах. В соседнем селе Малое Петрово гитлеровские людоеды согнали все взрослое трудоспособное население на принудительные работы, а всех детей и стариков истребили. Загнав в сарай 80 человек, облили их бензином и зажгли. Через час на месте осталась только груда обгорелых трупов».

Воины Красной Армии! Разве не закипает кровь в ваших жилах при чтении этого письма? Не могут, не должны остаться безнаказанными убийства, насилия немецких душегубов над нашими советскими людьми. Льется рекой детская кровь. Кровь наших малых сынишек, дочек, сестреноч, братишек. Кровь нашей смены. Дети — наша гордость, наша радость, наша будущность. Светлый путь счастливой жизни был открыт для них в советской стране. Но в наш дом ворвались разбойники, к нам в жилье забрались хищные звери. Они жгут города и села, они рушат все, что мы создавали, они уничтожают детские жизни.

Гитлеровские выкормыши хотят истребить половину, а то и три четверти населения советской страны, чтоб оставшихся сделать бесправными рабами, обреченными на жалкое прозябание. Они хотят истребить наших детей — наше будущее. Мы говорим: безумная цель!.. Но они это делают... Это делают солдаты и

офицеры германской армии. Это не воины, а детоубийцы в военных мундирах. Это не солдаты, а уголовные преступники со свастикой. Это не люди, а звери. Нет слов, чтобы заклеить кровавые злодеяния немцев. Да не слова тут нужны, а дела. Надо истреблять немецко-фашистское зверье, надо отвечать ему смертью за смерть, кровью за кровь!

Воин Красной Армии, помни: кровавые разбойники вымещают свою злобу на ребячьих жизнях. Немецкие мясники пробуют свои ножи на детских телах. Сегодня—это тело Гриши и Нины... завтра — это твой родной сын, твоя дочка. Сегодня немецкие изверги колют раскаленной иглой шестилетнюю девочку Веру. Завтра они могут то же самое проделать с твоим ребенком, если ты не отведешь лапу чудовища от детской головы. Фашистскую орду надо остановить во что бы то ни стало. Ее надо уничтожить—иначе она уничтожит нашу страну, наш народ.

Воин Красной Армии, останови топор, занесенный над головой твоего ребенка! Мсти немцам за загубленные детские жизни, за каждую каплю детской крови, за каждый рубец на маленьком теле. Убивай немцев, убивай зверей, которые пожирают младенцев. Ни шагу назад! Вражьи банды посягают на жизнь Советского Союза. Напор вражьих банд силен, но мы должны и можем сдержать его во имя счастья наших детей. Иного выхода нет: или мы

разгромим немецко-фашистские орды, или немецкие изверги замучают, загубят многие миллионы советских людей и их детей.

Стойко защищай каждый рубеж, каждый метр советской земли, каждую деревушку, поселок, дом. Помни: в этом доме живут советские дети. Помни: в районах, захваченных гитлеровскими насильниками, тысячи ребятшек, детство которых затоптано немецкими сапожищами, заплевано немецкими солдатами, ждут тебя как спасителя.

Только наша стойкость, только самоотверженность, презрение к смерти во имя жизни, выдержка, железная воинская дисциплина спасут жизнь и будущее нашей родины.

Ни шагу назад! В самую сложную, трудную секунду битвы подумай о том, что надо грудью защитить, спасти детей: это вдохнет в твою грудь бесстрашие. В самую опасную секунду битвы представь себе окровавленное тельце советского ребенка и бей, бей, бей на смерть иродов в зеленых мундирах.

Воины Красной Армии! Защитники Дона, Кубани! Советские воины на всех фронтах! Партизаны! Рабочие, изготавливающие оружие! Колхозники, собирающие военный урожай! — все силы, все помыслы, все действия направим на разгром врага!

Кровь наших детей зовет к мести! Смерть детоубийцам!

А. ПРОКОФЬЕВ

Бей фашистское отродье!

Завтра крепче, чем сегодня,
И грознее, чем вчера,
Бей фашистское отродье
От утра и до утра!

От зари и до зари
Думой пламенной гори:
Как бы больше истребить
Сволочи немецкой,
Что не могут фрицы жить
На земле советской!

Чтоб от страха им, от боли
Только выть, выть, выть,
Что их надо смертным боем
Истреблять, бить, бить!

Нам других законов нету —
Фриц — зверь, волк, волк, —
Сжить со свету сволочь эту
Наш долг, долг, долг!

Нам день — во мгле,
Ночь висит — громадиной,
Если ходит по земле,
По советской гадина!

С ней хлеб не в хлеб,
С ней соль не соль!
Так рвись же, гнев,
В штык, в снаряд, в бусоль!

Гад на сенокосах спит,
Ползает по краю...
Пусть гнев кипит,
Ярость обжигает!

Гляди, смотри:
Родина — большая,
Если слезы есть — сотри,
Нам они мешают:

Метко целить, лучше бить,
Крепче врагов губить!
Так бей зверей
Справа или слева
Силой ярости твоей,
Всею силой гнева!

Бей фашистское отродье
От утра и до утра,
Завтра крепче, чем сегодня,
И грознее, чем вчера!

Девочка в беседке...

В цветущем уголке Украины, в Черкассах, жила девочка Люда Петрова. Школьница. Хорошая девочка. Веселая, сердечная, простая. И справедливая. Она была душой шестиклассников, запевалой пионерского отряда. И училась усердно: приносила матери похвальные грамоты. Мать Люды ушла в ряды Красной Армии на второй день войны. Люда сумела проводить мать без слез.

— Девочка моя... ты понимаешь, что я должна там быть. Буду помогать раненым, спасать бойцов. Ты понимаешь это? Я нужна там...

Они себе волновались и скрывали волнение.

И только когда поезд увез маму, девочка спряталась в своей любимой беседке на дворе, где учила уроки или читала, и там тихо всплакнула.

А на другой день Люду Петрову снова видели бодрой, кипучей. Окруженная сверстниками и сверстницами, она сидела в этой самой беседке, где вчера плакала. Пионеры вслух думали: чем помочь фронту? И слышался звонкий, решительный голос Люды:

— Ребята, ребята, найдем дело! Не такие мы уж маленькие, ведь мы пионеры, ребята!

И сжимались детские кулаки. И полыхали огнями детские глаза. И тут, в этой беседке, поклялись они, юные черкасские друзья, в том, в чем клянутся воины Красной Армии. И пели песни. Глядя на этих милых, воинствующих грачей в красных галстуках, улыбались домашние хозяйки, проводившие мужей на фронт.

Немцы захватили городок. Замучили много советских людей. Они растерзали и девочку Люду.

Немцы стали спрашивать девочку, в какой части Красной Армии ее мать, где соседи — коммунисты рафинадного завода. Девочка молчала. Молчала так упорно, словно была немая. Она не произносила даже слов «нет», «не знаю». Она молчала. Мерзавцы собрали на дворе школьников и на их глазах растерзали, изнасиловали Люду... Потом они жгли ее тело. Она молчала. Задушили. Полупьяные гитлеровские разбойники повесили труп девочки в той беседке, где Люда решала задачи, учила географию, читала Пушкина и Шевченко... И эти подлецы, негодяи, погубившие ребенка, тупо хохотали, глядя, как ветер надувает пузырем ее школьное платье. Насладившись вдосталь «зрелищем», немцы ушли.

Они думали, что они запугают тех, кто был свидетелем этой ужасной казни. Они думали, что запугают! Нина Ярош, медицинская сестра, все это видела. Нина Ярош знала девочку, Нина Ярош не стерпела.

Товарищи, да разве любой честный человек смог бы стерпеть, видя чудовищное бесчинство, зверство фашистских извергов...

Нина Ярош подожгла ночью штаб немецких захватчиков. Запылало здание. Обозленные, перепуганные немцы метались в огне, как крысы, бегали по двору, визжали, корчась от ожогов.

Нина Ярош была схвачена. Ее волокли по мостовой, били, мучили, жгли... Она потеряла сознание. Думая, что она уже мертва, ее бросили в яму. Но Нина Ярош еще была жива. Она пришла в себя. На третьи сутки ночью партизаны тайком вытащили ее из ямы и унесли, спасли. Кто сказал партизанам? Кто привел их к яме? Мы так и не знаем кто. Может быть, те самые дети в красных галстуках, людины друзья, с которыми она пела песни в беседке и которых хотела запугать немецкая банда.

Партизаны перенесли изувеченное тело Нины Ярош через линию фронта и доставили в полевой госпиталь. А теперь она лежит в одном из госпиталей нашего тыла.

Недавно из этого госпиталя пришло письмо в Москву, в детскую газету, в нашу «Пионерскую правду».

«Главному редактору «Пионерской правды».

Я, медсестра Ярош Нина, находилась у немцев 21 день. И передать всех ужасов, которые царили там, я не в силах. Я теперь получеловек. Меня немцы изуродовали: у меня нет груди — они ее выпекли, у меня нет волос — они их сожгли, и нет пальцев — они их отрубили. Но это все ничего: я взрослая... Но вот одна писанка Люда Петрова, 15 лет, о которой я хочу, должна рассказать, как ее изверги замучили...».

И Нина Ярош рассказала в своем письме о девочке в беседке, рассказала то, что вы уже прочитали.

Письмо кончается так: «Решила об этом сообщить — о героическом поступке девочки, которая, умирая, не сказала ничего, что у нее пытали. И их тысячи, этих родных, милых детей, взлелеянных под сталинским солнцем. Пусть же мать, которая где-то находится на фронте или в тылу, гордится ею, как когда-то гордилась, когда дочь приносила похвальные грамоты за отличную учебу... Мы должны, обязаны очистить родину от немецкой погани! Я прошу вас сообщите в печати, чтоб узнали, как эта маленькая патриотка Люда погибла на своем посту, защищая интересы родины».

Потрясающий душу человеческий документ! Изувеченная немецкими мародерами, страдающая от невыносимой боли Нина Ярош находит силы продиктовать сиделке письмо, в котором просит советский народ отплатить фашистам за смерть девочки Люды. О себе ни слова, кроме того, что искалечена немцами, кроме того, что дала слово отомстить за девочку и решилась, сделала, что могла...

И в письме есть такая волнующая короткая приписка:

«Адрес мой такой... Лежу я в госпитале. Мне принесут от вас письмо, и я, умирая, буду счастлива. Ответьте мне. Нина Ф. Ярош».

Товарищи, мы должны ответить Нине Ярош. Товарищи, мы должны отомстить за труп девочки в беседке. Все: воины Красной Армии, рабочие, крестьяне, ученые, актеры, музыканты, писатели, мужчины, женщины, старики, дети, все! У меня есть дочь — фашистские разбойники могут убить мою дочь. У тебя есть сын — они могут повесить твоего сына. У него есть сестренка — они могут растерзать в клочья его сестренку.

Гитлеровская банда идет и пойдет еще на самые кровавые преступления. Мы должны истребить гитлеровскую свору, перемолоть, испепелить. Любой ценой. Любыми усилиями. Любым напряжением. Мы можем это сделать. И мы это сделаем, Нина Ярош! Труп девочки в беседке, кровь советских детей, кровь наших

братьев, твоя измученная жизнь, Нина Ярош, зовут нас к возмездию, смывают усталость, снова и снова зажигают сердце гневом и волей к победе.

Товарищ, спроси себя сегодня: что ты сделал, чтобы отплатить врагам за девочку в беседке? Что ты сделал для того, чтобы завтра немецко-фашистские бандиты не повесили твоего ребенка?

Елена КОНОНЕНКО

Огонь по детоубийцам!

(Из нашей редакционной почты)

Вы помните девочку в беседке? Помните маленькую черкасскую героиню, пионерку Люду Петрову, зверски казненную немцами? О ней было рассказано в «Правде». О ней и о Нине Ярош, доблестной медсестре, которую изувечили немецкие изверги. Нина просила советских людей отплатить за смерть девочки в беседке.

Почтальон приносит ежедневно в редакцию множество писем. Пишут со всех фронтов, пишут из городов и сел нашего тыла. Какие это прекрасные человеческие документы! Какие волнующие строки! Сколько в них гнева! Силен и благороден советский человек. Не может не победить такой человек. Он должен победить!

«Сегодня после чтения «Правды» я командовал своим бойцам: салют в честь Люды-пионерки, в честь павших смертью героев советских детей. Салют не в небо, а по врату! Огонь! Огонь по детоубийцам, по мерзавцам, грабителям и палачам! Огонь за девочку в беседке и за тебя, Нина Ярош! Нина... Мы

будем убивать немцев за тебя, за Люду. Враг пытается продвинуться вперед. Он напрягает все силы. Товарищи, перережем луть! У меня есть сын, сынок Владик. Он пишет мне: «Папка, бей врага, я хочу в Днепропетровск». Немцы вынудили мою семью уехать из цветущего Днепропетровска, они превратили мой город в кучу развалин. Товарищи, я — гвардеец. Пока в моих жилах течет кровь, я буду бить немцев. Враг не пройдет—так говорим мы, гвардейцы-орденоносцы. Владик мой, маленький мой сынуля, все дети Советского Союза, к вам обращается воин Красной Армии, воюющий 12 месяцев против фашистов. 25 гвардейцев моего подразделения получили ордена и медали. Много немцев мы уложили. Но мы уложим их еще больше! Мы вам клянемся!.. Гвардии политрук Григорий Мокрый».

Танкисты, летчики, артиллеристы, связисты, моряки клянутся отплатить немцам за девочку в беседке и за искалеченную Нину Ярош. Тов. Плашевский пишет: «...У меня есть милая подруга, ее тоже зовут Нина. Я читал «Правду» и думал: а если бы Нина, моя Нина, оказалась на месте Нины Ярош в лапах немцев? Я читал, и такая мука поднималась в моей душе, словно я действительно видел израненное тело девочки. Что из того, что я не знаю Нины Ярош?! Это — моя сверстница, которая также любила и была любима, также работала, стремилась к счастью. И я клянусь мстить

за нее жестоко, неустанно и беспощадно, не зная ни усталости, ни сострадания. И теперь в каждом немецком солдате я буду видеть: это—один из тех, кто надругался над девочкой в беседке, кто мучил Нину! Убью!».

Пулеметчики Н-ского полка Северного фронта прислали коллективное письмо за многими подписями: «Мы, пулеметчики, прочли статью «Девочка в беседке» и поклялись отомстить фашистским собакам, детоубийцам. Мать Люды и Нина Ярош, помните, мы пойдем в бой, и наши пулеметы будут в упор расстреливать немцев, не будет им пощады, не будет им нашей милости».

Группа бойцов по поручению общего комсомольского собрания связистов пишет: «Светлый образ пионерки Люды и твой, Нина Ярош, ведут нас вперед. Мы ответим тебе бесперебойной связью».

«Я вам припомню, фашистские гадины, злодеяния над девочкой Людой Петровой, — страстно пишет младший командир И. Мазур (Северо-Западный фронт).— За ваши страдания, Нина, я отомщу, все клоочет во мне...».

«А я,—пишет моряк-балтиец Михаил Цимбаров,—в ответ на статью «Девочка в беседке» срочно разрабатываю два рационализаторских предложения, которые помогут убивать немцев».

Лейтенант-балтиец Соколов, защищающий Ленинград, пишет: «Я поведу в бой своих

бойцов и буду мстить гитлеровцам за погибшего брата Ваню, за пропавших без вести моего шестилетнего сына Сережу, за двухлетнюю племянницу Валу. Я отомщу и за тебя, девочка Люда, и за тебя, Нина Ярош! К мщению призываю моих братьев-фронтовиков Николая и Кузьму и всех моих товарищей. Убивайте детоубийц!».

Сколько трогательных, сердечных писем, в которых фронтовики стараются подбодрить изувеченную немцами, умирающую Нину Ярош! Вот одно совершенно изумительное письмо от красноармейца Леонида Мерхудинова:

«Сегодня мы прочитали в «Правде» о девочке в беседке, о тебе, Нина Ярош. Нина, ты говоришь, что немцы тебя так изувечили, что ты уже получеловек. Ниночка, это неверно. Ты, Нина, величайший крепкий советский человек. Они тебе выщипали грудь, у тебя нет волос, изуродованы пальцы, но самое ценное осталось при тебе — честность и гордость советского человека. Нина, не отчаивайся. Уверяю тебя, у тебя в будущем будет и горячо любящий муж, у тебя будут дети. Ты не можешь сама вскормить дитя, но тысячи советских женщин согласятся вскормить своим молоком твое дитя; какой еще прекрасный вырастет ребенок, Нинок! Главное, поправляйся, Нинок, скорей, всем своим существом стремись к жизни, вырывай ее. Я, рядовой боец, желаю

тебе скорейшего выздоровления и обещаю — отомщу за девочку: в беседке. Остаюсь твой боевой товарищ Леонид Мерхудинов. Р. С. Поправишься — поезжай, милая, к моим родителям, они живут... (следует адрес стариков бойца), покажите, Нина, им мое письмо, мои папа и мама для вас сделают все, вы будете как родная, у вас будет свой дом. Ехать до города Шун, а в городе Шуне спросить дорогу на село...».

Вот такая наша советская молодежь. И эту благородную молодежь гитлеровские подлецы хотят сделать своими рабами. Не бывать этому! Послушайте, какие письма прислали наши советские девчата-фронтовички Нине Ярош.

«Дорогая Нина, когда я читала о тебе и девочке в беседке, мое сердце обливалось кровью, рвалось из груди к тебе, в тот госпиталь, где ты лежишь. Милая Нина, я буду мстительницей за Люду и за тебя. Нина, ты поступила честно. На твоём месте я бы поступила так же. Разве можно простить немцам такое?! Растерзали девочку... Ну, ничего, дай срок — за муки маленькой Люды они получат возмездие. Нина, смерть Люды привела и еще приведет в ряды бойцов и партизан сотни патриотов, которые будут мстить. А мы, девушки-фронтовики, говорим свое боевое спасибо тебе, Нина, и смертью Люды кля-

немся честно нести свою боевую службу. Крепко, крепко тебя целуем. Чусовая А.».

Множество писем пришло от рабочих, от служащих, от детей. За казнь пионерки клянутся мстить своим трудом советские люди самых разнообразных профессий и возрастов.

«Дорогой товарищ Нина! В «Правде» я прочел о всех тех муках, которые тебе пришлось пережить, о маленькой героине Люде. С той минуты я не могу найти места от ненависти к немецким мерзавцам. Товарищ Нина! Сам я из-за давней глухоты не могу бить гитлеровскую сволочь о винтовкой в руках, но стараюсь бить ее в тылу. Когда я прочел статью о тебе и Люде, я работал с невиданной злобой в сердце, я дал себе клятву мстить за тебя и Люду, трудом своим убивать немцев. Ярость запрещала мне делать даже минутные передышки. В этот день я дал 1.000 процентов сменной нормы. Пусть немцы на своих головах почувствуют, что значит ярость советского человека. Клянусь тебе, Нина, именем ленинского комсомола, кровью замученных наших братьев и сестер, что отныне буду работать на заводе всегда так, чтобы чувствовать ежечасно, что я убиваю немцев. Крепко жму твою руку. Кир. Гуров. Цех № 4. Гор. Куйбышев».

Учительница из детдома № 10 (деревня Ножевка Молотовской области) клянется воспитывать ненависть к фашистам в сердцах

своих учеников. Группа ремесленников из города Кимры сообщает по поручению общего собрания учащихся РУ № 5 о том, что они в память девочки Люды будут учиться и работать только на «отлично», чтобы скорее стать квалифицированными рабочими. 12 медицинских сестер из прифронтового госпиталя Калининской области обещают еще самоотверженнее заботиться о раненых. Помощник начальника политотдела МТС тов. Донцевич (село Брейтово Ярославской области) клянется все силы отдать, чтобы организовать уборку урожая без потерь. «А брат мой сражается на передовых позициях, я послала ему эту потрясающую душу газету и призвала его, как командира, и всех бойцов его роты гневно мстить немцам». Воспитанники детдома (станция Тарасовка Московской области) — ребята, потерявшие своих матерей, сообщают, что они назвали один из своих пионерских отрядов именем девочки в беседке, именем Люды Петровой.

Товарищи читатели, мы, к сожалению, не можем поместить все ваши замечательные письма, но мы перешлем их Нине Ярош. Страстный голос ваш, требующий возмездия немцам за смерть девочки в беседке, дойдет и до всех наших фронтовиков. На всех фронтах наши бойцы и командиры воскликнут по примеру гвардейца Григория Мокрого: «Огонь по детоубийцам!».

С. МАРШАК

М а т ь

„... Еще мы видели, что даже невозможно передать словами: среди этих шагающих смертников шла мать с грудным восьми-месячным ребенком...“

(П. Сойнов. Действующая армия, полевая почта № 802).

В такой обыкновенный день—
Июльский голубой—
Вели толпу из деревень
Фашисты на убой.

Безмолвен был последний путь.
Но вот в одном ряду
Отстала женщина—и грудь
Достала на ходу.

Не отрывая скорбных глаз
От сына своего,
Кормила мать последний раз
Родное существо.

В толпе,—как ветер прошуршал,—
Пронесся тихий плач,

И что-то хрипло прокричал
По-своему палач.

И зашагал народ быстрее
По смертному пути...

За кровь детей и матерей
Убийцам отомсти!

Я видел это. Я мщу!

После того, как наш гвардейский полк отбил атаку вражеских танков, немцы устроили для себя перерыв. Мы знали, что этот перерыв будет продолжаться недолго, знали, что фашисты готовятся к новой атаке. Всю ночь мы подносили боеприпасы, улучшали свои окопы.

Рано утром немцы открыли сильный артиллерийский и минометный огонь. Снаряды рвались вокруг меня. Я спрятался на дно щели и продержался там до тех пор, пока не прекратился обстрел. Потом выглянул,—не видно ли противника? Перед моими глазами открылась страшная, чудовищная картина.

Около ста женщин, низко склонив головы, медленно шли по направлению к нашим окопам. Некоторые из них были с грудными детьми, другие—вели своих ребятишек под руки. Вдруг раздалась пулеметная очередь. Откуда? Только теперь я заметил, что позади этой пестрой толпы движутся немецкие танки. Так вот для чего понадобился немцам перерыв! Так вот какой подготовкой к бою занимались они всю ночь! Прикрываясь невинными советскими людьми, они решили вплотную подойти к на-

шим позициям. Коварная, зверская, подлая затея!

Некоторые женщины упали, обливаясь кровью. Раздалась еще одна пулеметная очередь, и новая группа невинных свалилась, подкошенная вражеским огнем. Как видно, другого способа враг не мог найти для того, чтобы подгонять свои жертвы. Вдруг та, которая шла впереди (она и сейчас перед моими глазами в белом платье, с ребенком на руках), обернулась и пошла назад. Остальные женщины сделали то же. Вся толпа молча двигалась навстречу танкам.

Фашисты открыли по мученицам шквальный огонь. Лишь небольшая группа женщин уцелела. Но через минуту и она погибла, раздавленная гусеницами. Наши артиллеристы дали залп. Два танка загорелись. Остальные—их было около тридцати—продолжали двигаться. Сбоку начали стрелять наши бронебойщики. У меня была винтовка, у красноармейца Руденко, который стоял рядом со мной,—автомат. Мы тоже не сдержались и, хотя знали, что наши пули бессильны против фашистской брони, открыли огонь. Сама ненависть руководила нами в эту минуту.

Впереди нас, уступом вправо, располагались метатели гранат и зажигательных бутылок. Танки подошли к ним. Бойцы, высунувшись из окопа, обрушили на врага все, чем они располагали. Из машин повалил черный дым, пере-

мешанный с красными языками пламени. И танки, и наши бойцы — все было окутано дымом.

Прошло некоторое время. Черная туча дыма рассеялась. Три сгоревших танка стояли на месте. Остальные утюжили окопы, в которых располагались наши истребители. Бойцы не покидали своих убежищ. Они знали, что гусеницы не страшны тому, кто закопался в землю.

Лютый, кровавый враг терзает нашу прекрасную родину-мать. Я знаю, к чему он стремится, чего добивается. Он хочет истребить людей русских, людей украинских, белорусских,—всех людей страны Советов.

Но не бывать этому! Я лежу в окопе. Я наблюдаю за фашистами,—они недалеко, вон за тем бугорком. Они высовываются из своих змеиных нор. Я стреляю по ним. Я мщу!

Гвардии красноармеец Д. БИРЮКОВ

Рынок невольников

В Германию угоняют русских девушек. Их продают там на невольничьих рынках. Ужасна судьба этих дочерей советского народа, попавших в немецкий полон. Вот письмо, найденное у убитого под Ленинградом обер-ефрейтора 405 пехотного полка 121 дивизии Рудольфа Ламмерсмайера. Это письмо написано его матерью из местечка Лютте близ Эйнкернрута:

«Ты пишешь, что войной сыт по горло. Но мы питаем надежду, что когда-нибудь случится особенное. Ведь может же быть чудо. Вчера днем к нам приезжала Анна-Лиза Ростерт. Она была сильно озлоблена. У них в свинарнике повесилась русская девка. Хотя Анна-Лиза обрезала веревку, пульс у русской уже не бился. Она была мертва. Наши работницы—польки говорили, что фрау Ростерт все била и ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и все время ходила в слезах. Покончила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы успокоили фрау Ростерт: «Можно ведь за недорогую цену приобрести новую русскую работницу».

Не нужно слов! Факты бледнеют перед трупом русской девушки, которая предпочла смерть рабству у немцев. Благословим бойца, сразившего святой пулей немецкого негодяя.

Будем мстить проклятым душегубам, будем убивать без пощады и милосердия немецких извергов, вторгшихся на нашу землю, чтобы поработить советский народ.

Николай ТИХОНОВ

Ленинград, 1 августа

Русская девушка в рабстве

Разведчики одной из частей Брянского фронта, побывавшие в тылу врага, принесли письмо. Русская девушка, увезенная в Германию в город Кельн, пишет своей матери в захваченный немцами советский город Орджоникидзеград.

Вот дословно текст письма:

«Здравствуйте, родные мама, Таня, Люба, Надя!

Во-первых, опишу, как я ехала. Нас загнали на два дня в концлагерь на Урицком поселке возле Брянска, под конвоем, как пленных. 12 дней везли в коробках. Хлеба в дороге не давали. Что я взяла с собой, то нам пришлось кушать вдвоем с Марусей.

Как я не хотела ехать! Дядя не советовал, но вы, мама, сказали, если не поеду, то всех убьют. Лучше бы я умерла с голоду, чем быть такой...

По приезде сюда нами была устроена торговля и нас, девушек, брали кому сколько угодно, как рабов. Куда продали Марусю, не знаю. Работаю с утра дотемна. Надо мной здесь смеются, а я плачу. Я

перестала ходить по улице, чтобы не плакать. Работаю все, что потребует хозяин. Таня, хорошо, что ты не поехала. В общем меня продали навеки. Не серчайте, мама, я пишу вам сущую правду. Привет Шуре, Клавье, вообще всем.

Ольга Селезнева

3 мая 1942 г.».

Кровь и слезы сочатся из каждого слова этого простого и страшного письма.

Кем была Ольга Селезнева? Школьницей, еще только выбирающей пути в будущее—к вершинам знания? Юной работницей, нашедшей на родном заводе радость творческого труда? Крестьянкой, чья молодая песнь звенела в полевом стане над тучной колхозной нивой? Кем бы она ни была, эта русская девушка, перед ней простиралась широкая дорога к счастью. В родной город Ольги Селезневой пришли немецкие насильники, и ясный мир померк.

Товарищи, запомните каждое слово этого письма! Пусть в образе поруганной, обращенной в рабство русской девушки Ольги Селезневой всегда стоит перед вашими глазами поработенная немцами родная советская земля, зовущая к грозной мести!

Гвозди на вооружении германской армии

(РАССКАЗ ПАРТИЗАНА)

Уважаемые товарищи! Недавно мне пришлось поговорить с раненым партизаном тов. Ф., которого товарищи доставили на излечение через линию фронта. Он рассказал мне страшную историю о новых зверствах, которые применяют немцы, разъяренные смелыми действиями партизан. Мне кажется, что эту историю надо предать гласности, как еще одно свидетельство чудовищных преступлений гитлеровцев. Вот рассказ товарища Ф.

— Мы помним, какую мрачную славунискали себе в войне 1939 года финские бандиты, которые, искусно владея ножом, безжалостно издевались не только над живыми жертвами, но и над трупами бойцов. Тогда нам казалось, что это самые большие зверства. Но вот теперь мы убедились, что «прославленный» палач Гиммлер сумел изобрести новые пытки, по сравнению с которыми зверства финнов кажутся невинной забавой. Чтобы запугать население, гитлеровские уроды ввели в качестве казни распятие.

355606

Этой страшной казни были подвергнуты один партизан и двое абсолютно ни в чем не повинных жителей деревни. Немцы выбрали деревья, растущие поблизости друг от друга, и прибили к этим деревьям свои жертвы четырьмя гвоздями — в руки и ноги. Люди висели на гвоздях, истекая кровью, и мучились. Они умерли только на вторые сутки. У деревьев, на которых были распяты колхозники, стояли часовые.

Но на этом издевательства немцев над своими несчастными жертвами еще не кончились. Трупы распятых колхозников были использованы как мишени для обучения двуногих зверей: их кололи штыками, били прикладами, резали ножами. Немецкие садисты дошли до чудовищных зверств. Они отрезали убитым конечности, выкололи глаза, вырезали на теле пятиконечные звезды и сдирали кожу полосами.

Недавно, пытаясь истребить наш партизанский отряд, немцы послали карательную экспедицию; ее вооружили до зубов: послали танкетки, дали карателям много минометов, пулеметов, автоматов, кинжалов. И среди прочего вооружения аккуратные немецкие интенданты отпустили... четырехдюймовые гвозди для того, чтобы распять пойманных партизан.

Но гвозди и ножи не помогли немцам. Им так и не удалось уничтожить наш отряд. По-

теряя много солдат и офицеров убитыми и ранеными, они вернулись ни о чем. Как ни зверствуют фашисты, как ни пытаются запугать партизан,—им никогда не угасить нашей ненависти к врагу, им никогда не задержать могучего развития партизанского движения.

Мы били немцев, бьем и будем бить еще крепче.

Красноармеец М. СТОЛБУНЕНКО

**Действующая армия,
полевая почтовая станция № 388**

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

Проклятье

Не рыцарский шелом — убийцы ржавый
нож
Ты к Дону синему предательски несешь,
Ты пеной бешенства обрызгиваешь степи,
Где веет славою серебряный ковыль,
Ты хочешь умертвить в средневековом
склепе
Лазурных наших дней ликующую быль,
Ты рвешься в ярости сквозь туль
разящих выюгу
Туда, где мнишь спастись,—к сияющему
Югу.
Проклятие тебе, тупой и злобный фриц,
От тучных пажитей, от голубых станиц,
Проклятие тебе за всех детей убитых,
За жен поруганных, за неутешных вдов,
За тишину полян, снарядами разрытых,
За кров родимый наш—испепеленный
кров,
За братьев, отданных невольничьему
рынку,
За каждую слезу и каждую былинку.

Проклятие тебе от каждого стебля,
Что вырастила нам Советская земля,
От каждой борозды, что плугом

прсвели мы,
Для счастья светлого взрывая целину.
От друга верного, от девушки любимой,
От украинских сел, томящихся в плену!
Проклятие тебе — и пусть в проклятьи
этом

Твой смертный приговор, как смерч,
Встает над светом.

(Перевод с украинского)

Кровь, пролитая тобой

Сверчков был ранен. Кровь разорванного легкого текла изо рта на грудь гимнастерки, а под лопаткой болело так, словно жгло железом.

Но Сверчков продолжал стрелять из пулемета. Если б он перестал стрелять, залегшие впереди немецкие цепи поднялись бы и начали сами стрелять по идущим в наступление бойцам его роты.

Сверчков продолжал стрелять и тогда, когда разрывной пулей перебило ему руку; и тогда, когда осколками рядом разорвавшейся мины разрезало лоб; и тогда, когда он уже лежал без сознания, продолжая сжимать спуск. И когда товарищи бережно несли его, мокрого от крови, на плащ-палатке, Сверчков и в эти мгновения беспомощно шептал, ужасаясь тому, что второй номер копается и не вдевает новую ленту (хотя второй номер был уже давно убит), и кричал, что нужно стрелять, так как немцы поднимаются и идут в атаку.

Очнувшись в госпитале, Сверчков очень удивился тому, что он жив, ведь он твердо решил умереть на том рубеже, на котором он

оставался до последнего патрона, до последней капли крови.

Придя в сознание, он спросил врача:

— Почему я остался жив?

Доктор взял о тумбочки записку и подал ее Сверчкову.

На записке крупным почерком было написано:

«Дорогой боец! Посылаю вам пятьсот граммов своей крови и желаю вам поскорее выздороветь. Нина Лизякина».

Сверчков прижал записку к губам и заплакал.

Врачи сказали Сверчкову, что он останется инвалидом, ему придется уйти из армии—левая рука у него совсем не двигалась.

Сверчков почти примирился со своей участью.

Но вот, лежа в госпитале и видя каждый день, с каким молчаливым и гордым достоинством раненые переносят страдания, Сверчков псал, что он не может уйти из армии, никак не может, ибо боль ненависти к немцам, которую он испытывает сейчас, убьет его скорее, чем пуля врага, если он не найдет исхода этой ненависти к врагу.

Всю свою жизненную волю, терпение и страсть ненависти собрал Сверчков, чтобы добиться исцеления, спасти искалеченную руку. Он требовал новых операций, он переносил муки, с терпением узника он восста-

навливал на физиотерапевтических приборах деятельность искалеченных мышц, и он добился своего—рука его двигалась.

Сверчкову разрешили вернуться в армию, но только не на строевую работу.

Сверчков разыскал родную часть и явился к командиру пулеметной роты Абраменкову, своему старому командиру.

Абраменков брился, сидя на корточках перед пнем, на котором стояло зеркало. Увидев Сверчкова, он, растопырив руки, долго смотрел на него, потом пспешно стал стирать ладонями мыло со щек, потом сбнял и прижался к нему лицом и, не зная, как еще высказать свою радость, решительно указал на пень и сказал: «Садись, я тебя сейчас побрею».

Сверчков, взволнованно улыбаясь, сел на пень, и Абраменков брил его улыбающееся худое лицо и кричал столпившимся пулеметчикам, чтобы они не смотрели на Сверчкова, пока он его не побреет.

Укладываясь спать, бойцы соорудили Сверчкову такую постель, что лечь ему на нее было стыдно. И он сконфуженно говорил:

— Да что вы, ребята, купчиха я, что ли!

Многие товарищи Сверчкова были награждены уже орденами, получили новое звание, Сверчков приветствовал их, они сбнимали его, и каждому казался несбыкновенно дорогим этот человек, и казалось всем, что кровь, пролитая им, спаяла их с ним навечно.

Они не хотели, чтобы Сверчков уходил во второй эшелон на хозяйственную работу, и Абраменков оставил пока Сверчкова обучать молодых пулеметчиков.

Когда Сверчков не совсем послушной рукой разбирал замок пулемета, называя части, объясняя взаимодействие их, молодые бойцы с благоговением запоминали то, что говорил им их учитель, потому что не простые технические термины слышали они из уст этого человека, а цену крови русской узнавали они в его наставлениях.

Все расчеты, выпущенные Сверчковым, дали на стрельбищах отличные показатели.

И вот часть вышла на исходное положение. По той тревожной тишине, которая стояла на переднем крае, Сверчков угадал, что предстоит грозный бой. Он пошел к Абраменкову и попросил у него разрешения поработать в сегодняшнем бою с пулеметчиками хотя бы подносчиком боеприпасов. Абраменков долго колебался, но потом разрешил.

По всей линии фронта началась жестокая канонада, рвались полосы трепетного пулеметного огня, бомбовые удары ночных самолетов сотрясали землю—шел обычный ночной бой, тяжелый и грозный.

Сверчков ползал от одного пулеметного расчета к другому, и, хотя нужды еще не было в боеприпасах, бойцы, видя его, радовались, и высокой и сладкой гордостью вхо-

дило в сердца их каждое сдержанное его слово похвалы. А когда противник бил из минометов и они видели, с каким равнодушием Сверчков отряхивал с плеч обожженную землю, они тоже начинали презирать огонь врага, как презирал его этот человек, заслуживший веру своим словам и поступкам кровью своей.

Немцы стали готовиться к контратаке. Густыми цепями они скатывались в ложину. Сверчков сказал, чтобы прекратили огонь и подпустили врага ближе.

Немцы поднялись и пошли. Стало страшно. Сверчков сказал, чтобы не было страшно, можно стрелять пска из винтовок, а пулеметы не обнаруживать. И только, когда враг был в пятидесяти метрах, Сверчков сказал:

— Давай!

А первый номер, радостно и дерзко оглянувшись на Сверчкова, спросил:

— Может, еще подпустим?

— Давай! — повторил Сверчков.

Нет страшнее пулеметного огня, бьющего почти в упор, направленного руками со спокойствием, и восторгом, и ненавистью.

Сверчков остался в пулеметной роте подносчиком боеприпасов. И когда в воздухе перед дождем начинает сыреть, рука его болит. Но Сверчков улыбается:

— Сегодня она меньше болит, чем прошлый раз. А скоро совсем болеть перестанет.

И, значит, я скоро стану к своей машине,— говорит он.

И попрежнему, когда Сверчков укладывается спать, он говорит своим товарищам с упреком:

— Опять вы мне, как купчихе, постель соорудили. До каких же пор это будет продолжаться?

Но слов его будто никто не слышит. И никто ему не отвечает. Да и нужно ли говорить, что любят, гордятся им и всем радостно видеть его—разве кто-нибудь мог бы поступить иначе! Разве кровь, пролитая тобой, не зовет к мщению?! Разве страдания нашего народа могут быть забыты, а месть за них сложена на плечи другого?!

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Западный фронт

Ответств. за выпуск *Н. Богданова*

Корректор *М. Пановская*

Подписано к печати 15-VIII 1942 г. НГ21869.
Тираж 10.000. Заказ № 2971. Печатн. лист. 1¹/₂.

Саратов, Типография газетно-книжного издательства
Обкома ВКП(б).

Цена 25 коп.

Ан-14-472